

РУССКИЕ И НЕМЦЫ

Доклад на семинаре ВЦИОМ, январь 1994 г.

1. Немцы в русском сознании.

Иронический, часто презрительно-иронический пласт. ~~Медник~~-немец аккуратный", Амалии Карловны и Карлы Иванычи, Штольц, Гуго Пекторалис, врачи со смешными немецкими фамилиями (Герценштубе) и пр.

Д. Галковский ("Бесконечный тупик"): "Русские смялись над немцами: "Я ест исучаль русский язык". Он "исучаль" и "исучиль", а русские свиньи свою родину прохрюкали" ("Континент", 77, с.293).

Карьерно-практический пласт. Немцы на русской службе: Лефорт, Бирон, конфликт Ломоносова. Засилье немцев.

Уолтер Лакер ("Россия и Германия наставники Гитлера") "Генерал Ермолов в ответ на предложение Александра I назвать награду, которую он хотел бы получить за службу, сказал: "Государь, назначьте меня немцем!"

"Врангели и Клейнмихели, плеве и нейдхарты, ренненкампфы и кауфманы завоевали незыблемые позиции в гражданской администрации и армии и даже проникли в Святейший Синод. Положение немцев в общественной жизни России было настолько прочным, что без них не могло обойтись даже антигерманское движение. В 1844 г. Ф.Ф. Вигель опубликовал (по-французски) трактат "Россия, захваченная немцами" ("La Russie envahie par les Allemands"). Когда в конце 60-х годов обрело силу панславистское движение, его главными идеологами стали Мюллер и Гильфердинг".

"Даже в 80-е годы, в период наибольших успехов панславистской пропаганды, около 40% постов в высшем командовании занимали русские немецкого происхождения. ... В целом треть всех высших государственных чиновников, армейских и морских офицеров и членов Сената были лицами немецкого происхождения, в то время как немцы составляли не более 1 % населения".

Интеллектуально-романтический пласт. Высокое реноме немецкой философии, поклонники Шеллинга, Гегеля, Маркса. От славянофилов до Пастернака и Цветаевой. В "Братьях Карамазовых" имя Пушкина встречается шесть раз, имя Шекспира - пять, а имя Шиллера - тридцать раз. Ф. Степун ("Россия между Европой и Азией", с 322) со ссылкой на Д.И. Чижевского говорит, что знаменитые слова Ивана Карамазова о том, что он возвращает Богу свой "билет на вход" - это перефразировка слов из стихотворения Шиллера "Отречение":

"О вечность жуткая, стою, вздыхаю
У входа твоего.
Свидетельство на счастье я вручаю,
Его тебе я целым возвращаю,
О счастье я не ведал ничего".

2. По немецкому следу.

Гюнтер Рормозер ("К вопросу о будущем России"): "Нет сомнения, что... между русскими и немцами во многом есть известное родство, которого нет между другими народами. Оно всякий раз выглядит загадочным... русские и немцы, ~~а возможно и евреи~~ относятся к тем народам, которые можно назвать метафизическими... Знаменитый вопрос о политическом и социальном воплощении некоторого сверхиндивидуального смысла в своей истории волнует оба наших народа в большей степени, чем другие народы... Оба эти народа..., по сравнению с другими народами, испытали гораздо более глубокое потрясение от стремительного вторжения в их культуру того нового, что принесли с собой Просвещение XVIII в. и Французская революция".

Луи Дюмон (L. Dumont. "Немецкая идеология"): "Все культуры, которые испытывали впоследствии вторжение современной цивилизации, подобно немецкой культуре, были по преимуществу холистскими, стало быть, всем им пришлось либо самим придумывать сходные ответы на индивидуализм, либо прибегнуть к немецким рецептам, имевшимся в их распоряжении... В каком-то смысле можно сказать, что немцы подготовили наиболее легко усваиваемые версии модернизационных нововведений для вновь прибывающих".

3. В поисках русской самобытности.

Б Догоняющая модернизация и сопротивление традиционного русского общества. Поначалу - полное отторжение.

Юрий Крижанич: Разделы его книги: "О чужебсии"; "Каким образом чужеземцы бывают народам вредны".

"Чужебсие - это бешеная любовь к чужим вещам и народам, чрезмерное, бешеное доверие к чужеземцам. Эта смертоносная чума (или поветрие) заразила весь наш народ... Все беды, которые мы терпим, проистекают именно из-за того, что мы слишком много общаемся с чужеземцами и слишком много им доверяем".

Константин Леонтьев: статья: "Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения"

Гоголь: Агафья Тихоновна: "губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича". ("Женитьба").

Гоголь ("Выбранные места..."): "Зачем эта скорость сообщений? Что выиграло человечество через эти железные и всякие дороги, что приобрело оно во всех родах своего развития..?" ... В России давно бы завелась вся эта дрянь сама собою, с такими удобствами, каких и в Европе нет, если бы только многие из нас позаботились прежде о деле внутреннем так, как следует..." .

Гюнтер Рормозер: "Мертвые души" Гоголя могли быть написаны только в России, и, вероятно, они могли быть поняты только в Германии: птица-тройка, которая мчится неизвестно куда, - символ, раскрывающий понимание Гоголем внутренней ситуации в России XIX в. Здесь обнаружилось стремление избежать вторжения нового духа, неприятие мира пошлости, капитализации - процессов, вызывавших у Гоголя ощущение того, что мертвые души в России как раз и являются живыми. Подобный опыт характерен и для Германии, и он столь долго определял содержание немецкой критики культуры и цивилизации, что без этого был бы вовсе невозможен феномен национал-социализма... Аналогичная критика новейшей западной цивилизации была одной из решающих предпосылок того, что в России... в XX в. смог победить большевизм".

4. Общие враги.

Так как главное, что в определенную историческую эпоху сближает российское и немецкое общества, это самозащита против вторжения сложившихся вовне новых принципов социального существования, у них оказываются общие враги.

Уолтер Лакер: "Было целое направление от Бруно Бауэра - друга молодости Маркса - до Томаса Манна (периода первой мировой войны) и национал-большевиков веймарской Германии, которые считали свойственным обеим странам отрицание Запада прочной основой их союза. "Разве не сходны отношения русских и немцев к Европе, западной цивилизации и политике? Разве у нас, немцев, нет своих славянофилов и западников? - писал Томас Манн в 1917 г." (У. Лакер, с. 37).

Ф. Хайек ("Дорога к рабству"): для немцев или во всяком случае для определенной части немецких идеологов "общие традиции европейской цивилизации... превратились... в "западную" цивилизацию, где слово "западная" означало теперь - "к западу от Рейна". В этом новом понимании "западными" были либерализм и демократия, капитализм и индивидуализм, свобода торговли и любая форма интернационализма или миролюбивой политики".

Освальд Шпенглер ("Прусская идея и социализм"): "В Германии есть ненавистные и обесславленные принципы, но презрение в Германии вызывает только либерализм"

Геббельс ("Русский вопрос", 1925): "...Мы смотрим на Россию потому, что эта страна, наиболее вероятно, вместе с нами встанет на путь, ведущий к социализму. Потому что Россия - наш единственный союзник против дьявольских искушений и развращенности Запада". (Цит. по: Лакер, с. 47, 197).

5. Теоретическая линия обороны.

Неприятие "Запада" требовало какого-то обоснования. Идеология Просвещения исходила из признания универсальности прогресса, выражаясь марксистским языком, идеи "единства исторического процесса". Согласно этой идеологии, "Запад" указывал и Германии, и России на их будущее. Стало быть, нужна была другая идеология, которая лишала бы идеи Просвещения их универсальности, доказывала их "непрививаемость" на немецкой или русской почве. По-видимому, первым, кто взялся за создание такой контридеологии, был немец Гердер.

Луи Дюмон ("Немецкая идеология"): "В 1774 г. Иоганн Готлиб Гердер объявляет войну унифицирующему универсализму Просвещения во имя разнообразия культур... Плоскому рационализму Просвещения, который знает только отдельного человека и человеческий род и верит в однолинейный прогресс рода, Гердер противопоставляет калейдоскопическое богатство существующих культур, разнообразная игра которых образует историю человечества. Совершенно очевидно, что в основе протестующего возмущения Гердера против того, что кажется ему обеднением человека, лежит холистское восприятие сущности человека (я таков, каким сделало меня мое сообщество), одновременно и очень немецкое, и такое, которое будет всегда обнаруживаться в реакции культур на модернизацию".

Типичный пример такой реакции в России - книга Н. Данилевского "Россия и Европа".

Н. Лосский ("История русской философии"): "В книге "Россия и Европа" Данилевский подробно развивает теорию "культурно-исторических типов" человечества (до него эта теория развивалась немецким историком Рюкертом, а после Данилевского стала темой работ Шпенглера).

Лосский не упоминает имени Гердера, но изложение им идей Данилевского почти дословно совпадает с тем, что пишет о Гердере только что цитированный Дюмон:

Н. Лосский: "'Человечество", по мнению Данилевского, представляет абстрактное понятие, не живое единое целое... Человечество - это абстрактное и тощее понятие, а народ - конкретная и существующая действительность".

Данилевского иногда относят к представителям вырождающегося славянофильства, но и все славянофильство, которое было, видимо, наиболее значительной *русской* реакцией на универсализм Просвещения, также не избежало немецкого влияния.

Н. Бердяев ("Русская идея"): "Славянофилы стремились к органичности и целостности. Сама идея органичности взята ими у немецких романтиков. Органичность была их идеалом совершенной жизни".

Типичный пример: Аполлон Григорьев ("Две гитары, зазвенев, // Жалобно заныли..."; "О, говори хоть ты со мной, // Подруга семиструнная!").

Г. Флоровский ("Пути русского богословия"): "Немецкий идеализм Григорьев переживал с каким-то полурелигиозным подъемом... Свое мировоззрение Григорьев называл *органическим* и связывал его с Шеллингом прежде всего. У него "громкая руда органических теорий"... Каждая эпоха есть своего рода "организм", целое во времени, как каждый народ есть целое или организм в пространстве... "Каждый таковой организм сам в себе замкнут, сам по себе необходим..., а не обязан служить переходной формой для другого... Единство же между этими организмами, единство неизменное, никакому развитию не подлежащее, от начала одинаковое, есть правда души человеческой"... Так из предпосылок "органического" мировоззрения выводится теория культурно-исторических типов, - в те же годы ее формулирует Герцен... Впоследствии ее досказывает Н.Я. Данилевский в своей известной книге".

6. Соборность.

Итак, стараниями не одного поколения интеллектуалов, вначале, как правило, немецких, а затем и русских, в обеих странах, казалось бы, возведен вал против зловредного и разрушительного универсализма Просвещения. Но этого мало, надо еще чем-то наполнить место, оказавшееся по эту сторону забора. Мало сказать, что Германия или Россия не похожи и никогда не будут похожи на Англию или Францию. Надо еще определить суть главного отличия, и притом такого, чтобы оно выглядело достаточно крупным, принципиальным. У нас, слава Богу, есть такое отличие.

А. Гулыга ("Формула русской культуры". Наш современник, 1992, 4): "Запад кичится идеей личности. А мы можем противопоставить этому более высокий принцип - соборность".

Что же такое "соборность" и почему это более высокий принцип? Приведем одно из определений, данное в 20-е годы в коллективном труде евразийцев.

"Евразийство. Опыт систематического изложения": "Словом "соборный" церковно-славянский Символ Веры передает греческое слово "кафолический", "katholicos". "Соборный", или "katholicos", значит "единый по всему и во всем", единый в целом и во всех частях"... Христианин понимает, что он не прав, если его индивидуальная, субъективная правда отрицает правду других. Он не утверждает своей субъективной правды самовольно, сознавая свою ограниченность и уповая, что Бог согласует истинное существо его правды с истинным существом правды всякого другого".

Было бы, однако, большим преувеличением видеть в идее соборности, т.е. целостности, догматичности коллективного сознания, его неделимости, "единства во множестве" что-то специфически русское. Соборность (кафоличность, хоровое или симфоническое начало, общинность, коммунитарность, тотальность) - черта любого холистского общества, она осознается при столкновении с обществами другого типа, индивидуалистскими. В России понятие "соборность" было введено в обиход Алексеем Хомяковым. Но Бердяев, Флоровский указывают на вероятную связь идей Хомякова с книгой немецкого автора Мелера "Единство в Церкви или начало соборности"(1825). Речь идет, разумеется, не о заимствовании, а о "духовной встрече" Хомякова с Мелером, принадлежавшим "к тому поколению немецких католических богословов, которые ведут в те годы внутреннюю борьбу с веком Просвещения" (Флоровский).

Дело, однако, не в том, кто первый сказал "А!", но в том, как эта целостность, единство во множестве реализуется и осознается в жизни.

И. Киреевский: "В России... формы общежития, выражая общую цельность быта, никогда не принимали отдельного самостоятельного развития, оторванного от жизни всего народа... Резкая особенность русского характера... заключалась в том, что никакая личность в общежительных сношениях своих никогда не искала выставить свою самородную особенность как какое-то достоинство; но все честолюбие частных лиц ограничивалось стремлением: быть правильным выражением основного духа общества".

О. Шпенглер (Прусская идея): "Не "Я", но "Мы", коллективное чувство, в котором каждое лицо совершенно растворяется. Дело не в человеческой единице, она должна жертвовать собой целому. Не каждый стоит за себя, а все за всех, с той внутренней свободой в высшем смысле - *libertas oboedientiae* - свободой повиновения, которая всегда отличала лучших представителей прусского воспитания" ... "Прусскому духу свойственно поглощение единичной воли общей... Прусская идея исключительна".

Никакой разницы в изображении русского и прусского идеала "соборности", соотношения "Я" и "Мы" нет. Но речь идет именно об идеале, воплощение которого и Киреевский, и Шпенглер ищут в прошлом. В реальной же жизни этого не находили даже они, и это делало неизбежными поиски "проектов", в соответствии с которыми могли двигаться дальше и немецкое, и русское общества.

7. В поисках третьего пути: русские варианты.

Общие идеалы и общие враги как бы обозначают те полюса, те пределы, между которыми размещалась реальная жизнь немецкого или российского общества, не удовлетворявшая никого из серьезных мыслителей или политиков. В поисках "проекта будущего" общественная мысль мечется между этими крайностями, отвергая и тот и другой и пытаясь нащупать какой-то третий вариант развития, "третий путь". На этом пути ищут "соборности" без неотделимой от нее индивидуальной несвободы и индивидуальной свободы без неотделимых от нее либерализма и демократии.

А. Дугин: "Концепция "третьего пути" почти всегда так или иначе связана с концепцией "русского пути"... Особую роль играет геополитическая особенность России и ее историческая судьба, так как наиболее распространенный геополитический тезис "третьего пути" может быть сформулирован как "ни Восток, ни Запад", что равнозначно отказу как от "просвещенной", "атлантической", тенденции, так и от социальных архаизмов азиатского типа".

Русские варианты "третьего пути" известны. Один из них - славянофильский - выглядел примерно так.

Н. Бердяев ("Русская идея"): "Славянофилы имели свою утопию, которую они и считали поистине русской... В эту утопию входили идеальное православие, идеальное самодержавие, идеальная народность... Так как все должно быть органическим, то не должно быть ничего формального, юридического, не нужны никакие правовые гарантии... Все должно быть основано на доверии, любви и свободе. Славянофилы в этом отношении типичные романтики, утверждают жизнь на началах, стоящих выше правовых. Но отрицание правовых начал опускает жизнь ниже правовых начал. Гарантий прав человеческой личности не нужно в отношениях любви, но отношения в человеческих обществах очень мало походят на отношения любви".

По мнению В. Соловьева, у славянофилов не было идеалов будущего, а была лишь идеализация прошлого, Московской и домосковской Руси. О подобной ориентации хорошо говорит симпатизирующий ей А. Дугин.

А. Дугин: "Французская революция была и остается мерилем идеологической позиции тех или иных политических деятелей вплоть до сегодняшнего дня. Левые - либо продолжают, либо радикализируют, доводят до предела те тезисы, которые проявились в Европе конца XVIII века вместе с этой Революцией. Правые - либо пассивно противятся тенденциям левых, либо настаивают на защите и сохранении тех ценностей, которые Французская революция стремилась ниспровергнуть... Сторонники Третьего Пути являются намного более правыми, чем сами правые... Все разрастающаяся бездна между кризисным послереволюционным миром, с одной стороны, и идеальным некризисным, предкризисным миром Традиции, с другой стороны, делает совершенно неизбежным не "консерватизм", не сохранение прежнего, но именно Революцию, тотальную, всеобновляющую, радикальную, но - в направлении, прямо противоположном Революции левых".

Сам термин "революционный консерватизм", согласно Дугину, впервые употребил в 1875 г. славянофил Ю. Самарин.

Соловьев критиковал славянофилов, их "преклонение перед татаро-византийской сущностью", в своей критике славянофильства Соловьев часто убедителен и остроумен, но это не повышает ценности его собственного проекта "третьего пути", или "третьей силы".

"Три коренные силы" управляют развитием общества. *Первая* - центростремительная, подчиняющая человечество одному верховному началу, устраняющая многообразие частных форм и подавляющая свободу личности. "Один господин и мертвая масса рабов". *Вторая* - центробежная, отрицающая значение общих начал: "всеобщий эгоизм и анархия, множественность отдельных единиц без всякой внутренней связи". Зато *третья* сила "дает положительное содержание двум первым..., примиряет единство высшего начала со свободной множественностью частных форм и элементов, создает, таким образом, целостность общечеловеческого организма...".

В. Соловьев ("Три силы"): "Третья сила, долженствующая дать человеческому развитию его безусловное содержание, может быть только откровением высшего божественного мира, и те люди, тот народ, через который эта сила имеет проявиться, должен быть только посредником между человечеством и тем миром, должен быть свободным, сознательным оружием последнего... От народа - носителя третьей божественной силы требуется только свобода от всякой ограниченности и односторонности, возвышение над узкими специальными интересами, требуется, чтобы он не утверждал себя с исключительной энергией в какой-нибудь частной низшей сфере деятельности и знания, требуется равнодушие ко всей этой жизни с ее мелкими интересами, всецелая вера в положительную действительность высшего мира и покорное к нему отношение. А эти свойства, несомненно, принадлежат племенному характеру Славянства, в особенности же национальному характеру русского народа".

Ф. Ницше: "Мистические объяснения считаются глубокими; истина в том, что они даже и не поверхностны".

Еще один русский проект "третьего пути" - народнический, общинно-социалистический.

Все такие архаичные, оторванные от жизни "проекты" не могли оказать влияния на эту жизнь. Марксистский же проект на их фоне показался в России очень многообещающим и захватил российское общество - даже больше, чем немецкое. Почему это произошло?

Мы часто забываем, что марксизм - часть специфически немецкого социокультурного контекста середины XIX века. В России, говоря словами Бердяева, в это время "вулканичность почвы еще не обнаружилась". Но Германия в это время продвинулась уже гораздо дальше, конфликт между модернизационными устремлениями и средневековыми пережитками становится здесь все острее, и это дает почву для нарастающей самокритики немецкого общества.

Г. Гейне:

"Предатель ты! И крови осла
Ни капли в тебе не струится;
Ты не осел! Тебя родила
Французская кобылица.

От зебры род, должно быть, твой,
Ты весь в полоску, как зебра,
И голос, и тембр у тебя носовой,
Как голос еврея, негра.

А если ты и осел, то все ж
Осел от разума, хитрый;
Ты глуби ослиной души не поймешь,
Ее мистической цитры.

.....

Я не из римлян, не славянин,
Я из ослов немецких,
Я мыслящих предков храбрый сын,
И кряжистых, и молодецких.

.....

Большой осел, что был мне отцом,
Он был из немецкого края;
Ослино-немецким молоком
Вскормила нас мать родная.

Я есть осел из самых ослов,
И всею душою и телом
Держусь я старых ослиных основ
И всей ослиатины в целом".

Ф. Ницше ("Автобиография" - "Ессе Номо"): "Высшее понятие о лирическом поэте дал мне Генрих Гейне... Он обладал той божественной злобой, без которой я не могу мыслить совершенства - я определяю ценность людей, народов по тому, насколько не отделим их бог от сатира... Некогда скажут, что Гейне и я были лучшими артистами немецкого языка - в неизмеримом отдалении от всего, что сделали с ним просто немцы".

Ф. Ницше ("Автобиография" - "Ессе Номо"): "Слыть человеком, презирающим немцев par excellence, принадлежит даже к моей гордости... Когда я придумываю себе род человека, противоречащего всем моим инстинктам, из этого всегда выходит немец... Общение с немцами унижает: немец *становится на равную ногу*... У немцев отсутствует всякое понятие о том, как они грубы, но это есть превосходная степень грубости, - они не стыдятся даже быть только немцами...".

Именно как представители радикального крыла такого рода самокритики, но, пожалуй, более глубокой, Маркс и Энгельс - последовательные враги всех пережитков средневековья, у них очень силен антифеодалный пафос. Естественно, что в своей самокритике они опираются на идеи Просвещения и Французской революции, апеллируют к экономическим и социальным достижениям более модернизированного "Запада" - Англии и Франции. Самые яркие страницы "Коммунистического манифеста" составляет гимн новому - буржуазному, рыночному порядку вещей. И в то же время марксизм не принимает этого порядка, критикует его. Но это уже не самокритика, а критика извне, что далеко не то же самое. Критика велась от лица мифического пролетариата, который в тогдашней Германии был немногочисленным и полукрестьянским, но можно ли поручиться, что на самом деле она не исходила из глубины души столь критикуемой Марксом и Энгельсом феодальной аристократии, мир которой рушился на глазах под натиском наступавшего капитализма? Такая критика неизбежно преувеличивала отрицательные стороны капитализма и потому отказывала ему в будущем. А с чем связывается будущее? Увы, с идеализированными формами прошлого: с общественной собственностью, усилением экономической роли государства, принудительным трудом и пр., вообще с принудительным коллективизмом в духе Кампанеллы или Кабе. Как только речь заходит о будущем, на первый план в марксизме выдвигается его средневековая, холистская, утопическая составляющая, которая и привлекает к нему представителей модернизирующихся и потому ищущих своих "проектов будущего" холистских обществ. В новизне марксизма их привлекает старый, хорошо знакомый мотив.

8. В поисках третьего пути: немецкие варианты.

Марксизм не был и не мог быть единственным немецким проектом "третьего пути". Немецкое общество испытывало большие внутренние напряжения и это подталкивало к выработке различных проектов. По мере приближения к нашему столетию, под влиянием перемен в самой Германии, ее бурной индустриализации резко обостряется и критика, родственная русской народнической, которая отвергает или, по крайней мере, осуждает индустриализацию, экономический и технический прогресс, большие города, рационализм, демократию. Всему этому вменяется в вину "бездуховность", "поверхностность", "отрыв от почвы", вообще от всего того, что якобы составляло главные ценности уходящего крестьянско-дворянского мира.

А. Дугин: "Яркие предтечи Третьего Пути существовали и в Германии, так как сам архетип немецкой души и геополитическая позиция немцев делают их, подобно русским, предрасположенными к такой идеологии... Можно сказать, что немецкий Третий Путь развивался параллельно русскому, между обоими течениями в XIX веке существовала тесная духовная и интеллектуальная взаимосвязь... Германский фактор в Консервативной Революции крайне важен и по чисто геополитическим соображениям, так как немцы, по сравнению с остальными европейскими народами, имеют больше оснований для размежевания с сугубо западным, "атлантическим" путем, собственно и приведшим Европу к Французской Революции и к Революции вообще. В этой перспективе конфликт центрально-континентальной Германии с "атлантическими" Францией и Англией, с одной стороны, а с другой - безусловная "невосточность" европейских немцев, делали "почвенный гуманизм" логическим синонимом Третьего Пути в сугубо европейском, западном геополитическом пространстве".

Дугин смещает акценты, подчеркивает географические, а не исторические различия. Конечно, историческая ситуация в Европе имеет немалую геополитическую составляющую. Но она имеет и свою собственную ось развития, которую не различает "оптика" Гердера-Данилевского. Немецкие сторонники третьего пути, искавшие идеалы будущего в прошлом, в этом смысле мало отличались от русских славянофилов или народников.

Леонтьев: у славян "даже рабство и всякие стеснения во многих случаях развивают личность - и народную, и единичную больше, чем общеевропейская нынешняя свобода..."

Леонтьев: личная свобода крестьян в России может быть переносима недолго и то лишь благодаря "прикреплению крестьян к земле, какому-то подобию социалистического рабства, вместо лично феодального"...

О. Шпенглер (Закат Европы): "Крестьянин отнюдь не демократ - ведь это понятие также есть часть механического городского существования... После исчезновения старых сословий, дворянства и духовенства, он является единственным органическим человеком, единственным сохранившимся пережитком культуры."

О. Шпенглер ("Прусская идея и социализм"): "Прусский инстинкт говорил: власть принадлежит целому. Отдельное лицо ему *служит*... Каждому отводится предназначенное ему место. Приказывают и повинуются. Все это, начиная с XVIII века, и есть авторитарный социализм, по своему существу чуждый либерализму и антидемократичный, поскольку речь идет об английском либерализме и французский демократии... Приспособление этого организма, проникнутого духом XVIII века, к духу XX-го составляло задание *организаторов*"

И немцы, и русские алкают противоестественного сочетания XX века с XVIII, называя этого мифического кентавра социализмом.

Бакунин или Ткачев о русском народе как "коммунисте по инстинкту, по традиции", который "стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Запада";

О. Шпенглер ("Прусская идея и социализм"): "Мы, немцы, социалисты и были бы ими даже в том случае, если бы о социализме никогда ничего не говорили. Другие народы не могут быть социалистами. Старопрусский дух и социалистический образ мышления, ныне ненавидящие друг друга ненавистью братьев, представляют собой одно и то же".

Фразеология немецких и русских сторонников "органичного" социализма были, конечно, различны, как и реальные состояния немецкого и российского обществ того времени да и их давние культурные традиции. Но некоторые черты глубинного средневекового авторитаризма, равно как и общие враги - "буржуазные" либерализм и демократия - необыкновенно сближают их даже и на уровне теории, не говоря уж о впоследствии явленной миру практике.

Ткачев о революции, которая "тогда только и может иметь место, когда меньшинство не хочет ждать, чтобы большинство само осознало свои потребности, но... решается... навязать ему это сознание"...

Шпенглер о "прусской социалистической этике", "предназначенной для немногих, которые прививают ее и таким путем принудительно подчиняют ей толпу".

Ф. Хайек в "Дороге к рабству", направленной в основном против германского фашизма, настаивает на том, что "не прусский дух, а именно преобладание социалистических взглядов роднит Германию с Италией и Россией - да и поднялся национал-социализм не из привилегированных классов, пропитанных прусскими традициями, а из гущи народных масс". Но все же, видимо, преобладание социалистических (государственно-социалистических?) взглядов само нуждается в объяснении, а оно едва ли может быть дано, если не принять во внимание эманацию народного духа - русского ли, прусского ли, - уходящего корнями в архаичные пласты жизни доиндустриальных обществ.

9. XX век: реализация проектов.

XX век стал веком попыток *совместить* "основополагающие элементы исторического модернизма с элементами консервативной традиции" как в Германии, так и в России. Марксизм, по-видимому, не подходил на роль господствующей идеологии ни там, ни там, для этого он был все же слишком "западным", усвоил слишком много ценностей Просвещения и Французской революции.

В Германии эту идеологию ищут разные идейные течения. Наиболее важное из них - "консервативные революционеры" (Освальд Шпенглер, Карл Шмитт, Отмар Шпанн, Вернер Зомбарт), центральная фигура - Артур Меллер ван ден Брук, выпустивший в 1923 г. книгу "Третий Рейх".

L. Dupeux ("Histoire culturel de l'Allemagne 1919-1960"): "Можно утверждать, что они (а не нацизм) формировали доминирующую контридеологию эпохи, по крайней мере до 1930 года"

О. Шпенглер ("Прусская идея и социализм"): "Нужно освободить немецкий социализм от Маркса".

Ф. Хайек ("Дорога к рабству"): "Третий рейх" Меллера Ван ден Брука "был призван дать немцам социализм, приспособленный к их национальному характеру и не запятнанный западными либеральными идеями".

"Консервативные революционеры" не были нацистами, но они подготовили приход Гитлера. Гитлер встречался с Меллером в начале 20-х годов и сказал ему: "У вас есть все, чего недостает мне. Вы возводите духовный каркас, который сделает возможным возрождение Германии". А Геббельс записал в своем дневнике, что Меллер выражал "с ясностью" то, что "наша чувствительность и наш инстинкт давно подсказали нам, молодым парням" Reichel P. (La fascination du nazisme).

Дело, однако, не в политических или эстетических симпатиях, а в содержании идеологии и ее применимости на практике. "Консервативные революционеры" искали путей "частичной" модернизации, конструировали технократическую утопию, вариант "технологической цивилизации" в которой она сочеталась бы с неприятием "западных" ценностей.

L. Dupeux: "В XX веке истинная основа *моцци* - это промышленность. "Сталь" берет верх над "кровью". Наиболее проникательные "консервативные революционеры" хорошо это знали и не стеснялись об этом говорить". В этом смысле они были убежденными сторонниками модернизации. Но одновременно они "не скупилась на то, что можно назвать поклонами в сторону прежнего доиндустриального общества, аристократии..., особенно же крестьянства, неизменно представляемого - и, конечно, с искренним убеждением - как источник "силы".

D. Goedel: Модернизация, таким образом, воспринималась ими лишь как "функциональный эквивалент" модернизации западного типа и приобретала чисто инструментальный характер.

Если говорить о главном в немецком варианте "третьего пути", то он вел к *тоталитаризму*, более конкретно - к нацизму, но нацизм был лишь специфической *формой* немецкого тоталитаризма. Он позволял - в немецких условиях - продолжить техническую и социально-экономическую модернизацию, сохранив на какое-то время еще живые элементы допотопной социальной жизни, заинтересованными носителями которых были промежуточные, маргинальные полугородские - полудеревенские слои населения, силой заставить молчать их противников. Это и была немецкая "консервативная революция".

9

она оказалась выше нас... Государственный капитализм был бы спасением для нас; если бы мы имели в России его, тогда переход к полному социализму был бы легок..."

Стала ли Германия подходящим образцом для России, потому что она и в самом деле являла собой эталон наивысшего капитализма, или просто потому, что была похожа на Россию больше, чем скажем, Англия или США?

Как и в России, промышленность здесь сильно зависела от государственной поддержки. По словам современника (англичанина), политика бисмарковского "государственного социализма" "с начала и до конца была протестом против индивидуализма, против принципа *Laissez-faire*". Эта политика поддерживалась влиятельной Ассоциацией социальной политики, созданной немецкими "катедер-социалистами" "с целью убедить правительство и нацию в необходимости вернуться к старой прусской политике... Она требовала поощрения и защиты государством торговли, промышленности и сельского хозяйства, поддержки государством культуры в широком смысле слова, государственного вмешательства с целью улучшения условий жизни рабочих".

О. Шпенглер (он выводил "принцип хозяйственного авторитета государства" из "прусского мироощущения"). "Прусская идея *управления* хозяйственной жизнью с сверхличной точки зрения невольно направила германский капитализм, со времени введения покровительственных пошлин в 1879 г., в русло социализма, в смысле государственно регулируемого экономического порядка".

Эти старопрусские идеи и воспринимались в России как последнее слово в развитии капитализма. В Германии, как и в России, существовали объективные основания для государственного покровительства развитию промышленности - пока она не окрепла. Но в обеих странах нашлись влиятельные идеологи, которые в государственном экономическом патернализме хотели видеть одну из главных особенностей своего "третьего пути". В этом смысле между ними было много общего - но не потому, что они были впереди всех, а потому что обе они были в достаточной степени отсталыми.

А. Вагнер: "Государство становится все более и более важным для национальной экономики и индивида в *абсолютном* выражении. Но возрастает также и его *относительное* значение: все более значительная и важная доля коллективных потребностей цивилизованного народа, идущего по пути прогресса, удовлетворяется государством".

В. Зомбарт ("Современный капитализм"): "В экономической жизни будущего все большее и большее значение будут приобретать все те хозяйственные системы, которые так или иначе связаны с *плановым хозяйством*", при котором "принцип удовлетворения потребностей одерживает верх над принципом прибыли", а "индивидуализм и стремление к наживе... исчезают".

В 1902 году Ленин критиковал один из пунктов предложенного Плехановым проекта Программы РСДРП за требование "плановой организации общественного производительного процесса для удовлетворения нужд как всего общества, так и отдельных его членов".

Ленин: "Этого мало. Этакую-то организацию, пожалуй, еще и тресты дадут. Определеннее было бы сказать "за счет *всего* общества" (ибо это включает и плановость и указывает на направителя плановности)". Важна, стало быть, не плановость сама по себе, а ее "направитель".

Это очень существенное замечание, объясняющее многое из того, что произошло впоследствии. Ибо в советском "плановом хозяйстве" главным была вовсе не плановость, а централизованность, наличие *единственного* "направителя плановности" - государства-собственника, которое отождествлялось с обществом. Это отождествление тоже было вполне в немецком духе.

О. Шпенглер не мог простить англичанам, что у них "вражда к государству как таковому" нашла выражение в слове "society", которое вытеснило понятие государства в идеальном смысле. И эта вражда, воплощенная в понятие "societe" воспринимается и французским Просвещением... Известно, как этим словом маскировал свою ненависть к требованиям порядка Руссо, и как Маркс, с его столь же английской ориентацией мышления, подражал ему".

В СССР же нашли другие образцы для подражания, здесь "идеальный смысл" понятия "государство" сохранился в его первоначальности, и был сконструирован соответствующий этому идеальному смыслу искусственный экономический мир. Это и был наш третий путь в экономике. Немцы до него не дотянули.

А. Дугин: "В рамках национал-социалистического режима существовал некоторый интеллектуальный оазис, в котором концепции Консервативной Революции продолжали развиваться и исследоваться без каких-либо искажений, неизбежных в других более массовых проявлениях режима. Мы имеем в виду организацию Ваффен-СС... СС воспроизводило определенные стороны средневекового духовного рыцарского Ордена с типичными идеалами преодоления плоти, нестяжательства, дисциплины, медитативной практики. Естественно, такой подход в экономической сфере предполагал категорическое отрицание всех сугубо капиталистических основ социального устройства - гедонизм, плутократию, финансовый либерализм, свободный рынок, процентную систему и т. д." [54]

11. Третий путь в решении национального вопроса.

Понятие "нация" широко вошло в европейский политический словарь после Французской революции, а осмысление западного опыта национальных государств уже в прошлом веке привело к выработке взгляда на нацию как на *согражданство*, как на совокупность граждан, демократически управляющих своим государством, и имеющих равные права, не зависящие от цвета кожи, языка, религиозных убеждений, происхождения или обычаев бытового поведения. Такой взгляд уходил корнями в идеологию Просвещения и Французской революции.

Сийес: нация - "*un corps d'associes vivant sous une loi commune et representes par la meme legislature*" (сообщество живущих по общему закону и представленных одним законодательством).

Почти сто лет спустя Э. Ренан суммировал круг западных либеральных идей XIX века.

Э. Ренан: характеризовал как "грубую ошибку" отождествление нации с антропологическими, этнографическими или лингвистическими группами. "Человек - не раб ни своей расы, ни своего языка, ни своей религии, ни течения рек, ни направления горных цепей". Ренан связывал реальность нации с двумя факторами: общим историческим опытом и согласием в настоящем, "желанием жить вместе, волей сохранять неделимым полученное наследие".

Корпоративное средневековое сознание не может принять идеи принадлежности человека самому себе и его права выбирать себе национальность, менять ее на протяжении жизни, эмигрировать, "натурализоваться" и т. д., а тем более участвовать в конституировании нации на манер французов в XVIII, немцев или итальянцев - в XIX в.

К. Леонтьев: "Идея национальностей... в том виде, в каком она является в XIX веке, есть идея, в сущности, вполне космополитическая, антигосударственная, противорелигиозная, имеющая в себе много разрушительной силы и ничего созидającego... Франция погубила себя окончательно этим принципом; подождем хоть немножко еще, что станет с Германией!"

По поводу Германии он зря беспокоился.

Л. Дюмон: "Равноправные культуры или "народы" Гердера станут впоследствии "нациями", определяемыми исходя из общности культуры. [Дюмон говорит о перенесении идеи индивидуального равенства на культуры или народы, т.е. об уступке холизма=социоцентризма, который смотрит на другие культуры свысока: в этом - "гибридность"] Ибо здесь источник того, что мы обычно называем "этнической теорией" нации в противоположность "избирательной теории", которая выводит нацию из добровольного желания составляющих ее людей... Этническая теория нации вошла в число ведущих течений "современной" политической мысли наряду с избирательной теорией... Именно из этого [гибридного] происхождения вытекает ее эффективность, потому что как раз то, что в ней отвечает холистскому мировосприятию., и обеспечивает ее влияние на социальную реальность. Не вызывает сомнения также и то, что именно это гибридное происхождение, так же как и гибридное происхождение теории Гердера, определили их успех при последующей аккультурации, в частности, у славянских народов: именно теории такого типа обеспечивают приспособление - в конечном счете, применение - индивидуализма в неиндивидуалистических обществах, столкнувшихся с модернизацией".

"Этнонациональная" оптика была взята на вооружение австро-немецкими марксистами (Отто Бауэр, Реннер, Каутский), разрабатывавшими в начале XX в. теорию многонациональных государств. С точки зрения смысла, принятого к западу от Рейна, многонациональное государство - *contradictio in adjecto*. (Позднее грамотные евразийцы аккуратно писали о "многонародной нации"). Чтобы уйти от этого противоречия, австро-немецким, а затем и русским марксистам пришлось переопределить само понятие нации, сообщить ему смысл, противоположный "западному", оторвать его от государственной территории, придать ему этническую или близкую к ней трактовку - и в то же время сохранить смысл, позволявший использовать это понятие при решении территориальных вопросов.

В начале века именно австрийские и русские марксисты особенно активно искали решения "национального вопроса", порожденного кризисом обеих восточноевропейских империй, причем искали на путях сохранения империй.. Сейчас более чем ясно, насколько противоречивой была их позиция: они пытались совместить несовместимое.

С одной стороны, следуя марксистской идее единства исторического процесса, они высоко оценивали западный опыт создания национальных государств и считали, что он указывает на главное направление движения для всех стран.

Ленин: "Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих... требованиям современного капитализма является... тенденцией (стремлением) всякого национального движения. Самые глубокие экономические факторы толкают к этому, и для всей Западной Европы - более того: для всего цивилизованного мира - *типичным*, нормальным для капиталистического периода, является поэтому национальное государство".

Ленин с одобрением цитировал слова Каутского о том, что пестрые в национальном отношении государства - это всегда государства, "внутреннее сложение которых по тем или другим причинам осталось ненормальным или недоразвитым", отсталым.

Ленин: "Самоопределение наций" "в программе марксистов *не может* иметь, с историко-экономической точки зрения, иного значения кроме как политическое самоопределение, государственная самостоятельность, образование национального государства".

С другой же стороны, как это ни странно звучит, восточноевропейские марксисты вовсе не собирались расставаться со своими "лоскутными империями", "тюрьмами народов" и т. п. - они лишь рассчитывали их усовершенствовать, превратить в "союз".

К. Каутский ("Национальность и международность"): "Австрия являет собой проблему национальностей в ее наиболее сложной и трудной форме"... "Можно что угодно думать о дальнейших судьбах Австрии..., верным является лишь то, что при данном соотношении сил в этом государстве оно не стоит перед распадом".

О. Бауэр ("Национальный вопрос и социал-демократия"): "Историческое развитие ведет не к распаду Австрии, в сохранении которой чисто экономически заинтересованы все ее народы, а к преобразованию Габсбургской монархии в союзное государство национальностей".

Ленин: Марксисты "относятся враждебно к федерации и децентрализации - по той простой причине, что капитализм требует для своего развития возможно более крупных и возможно более централизованных государств, *при прочих равных условиях* сознательный пролетариат всегда будет отстаивать более крупное государство. Он всегда будет бороться против средневекового партикуляризма, всегда будет приветствовать возможно тесное экономическое сплочение крупных территорий".

Все, что марксисты писали по национальному вопросу, они обычно окружали ореолом "научности". В частности, австромарксисты потратили немало сил на теоретическое обоснование сохранения австровенгерского территориального конгломерата. Обвиняя "космополитический либерализм" в том, что он "поддерживал стремление греков, южноамериканских народов, итальянцев и мадьяр к государственной самостоятельности", О. Бауэр утверждал, что это не соответствовало новому этапу развития капитализма, идеал которого состоял теперь "уже не в национальном государстве, а в государстве национальностей". Примерно так же рассуждал и Ленин.

На самом деле ничего научного, специально "социалистического" или "марксистского" в подобных взглядах на будущее империй - хоть русской, хоть австрийской - не было. Каутский не скрывал, что и он, и О. Бауэр вступали в противоречие с Марксом и Энгельсом, точка зрения которых "стала в этом вопросе несостоятельной".

О. Бауэр: "В борьбе с мадьярским сепаратизмом сама корона вынуждена выступить с идеей "Соединенных Штатов Великоавстрии" с идеей единого *союзного государства национальностей*".

Так что австромарксисты в каком-то смысле оказались на стороне короны - и в то же время в оппозиции к западному, либеральному варианту организации отношений между нацией и государством. Когда они предлагали "органическое регулирование" отношения нации к государству в рамках "государства национальностей", речь шла, по-видимому, о достаточно распространенных идеях, которые, возможно, были совершенно утопическими, но носились в воздухе. На них и делали ставку политики, искавшие широкой общественной поддержки.

Так или иначе, но накануне Первой мировой войны будущее как Австро-Венгерской, так и Российской империй представлялось марксистским сторонниками "принципа национальности" в виде тем или иным способом организованных *многонациональных* государств. Как полагали австромарксисты, идея национальной автономии, "дала принципу национальности новое направление". Русские же марксисты довели "новое направления принципа национальности" до логического конца, полностью оторвав нацию от территории. Сталин "(Национальный вопрос и ленинизм)", перечислявший различные признаки нации, считал недопустимой ошибкой рассматривать даже в качестве одного из них наличие собственного национального государства. При этом Сталин ссылаясь на "единственно правильную" "русскую марксистскую теорию нации", которая, на самом деле, была в достаточной степени немецкой.

За всеми же этими немецкими и русскими изысками стояло утопическое стремление, не дожидаясь исторического созревания гражданского общества, уйти от имперского, т. е. нормального средневекового способа сосуществования в рамках единого государства полиэтнических и поликонфессиональных сообществ - там, где это диктовалось геополитической обстановкой, - и избежать непонятного для холистских обществ "неэтнического" квантования, пройти между тем и другим своим, третьим путем. Что из этого вышло, известно. Но идеи продолжают жить - уже в чужих руках.

А. Дугин: Тириар "провозглашал "федеральный национализм", то есть духовное и геополитическое объединение независимых дифференцированных этнических систем, полицентрическую империю независимых этносов". [55]

12. Снова третий путь?

А. Дугин: "Поражение Германии во Второй мировой войне было сокрушительным поражением всей идеологии Третьего Пути"... "СССР стал в после-Ялтинском мире левой сверхдержавой, воплощением марксистской и интернационалистской идеологии, так же совершенно непримиримой по отношению к Консервативной Революции". [с. 54]

Но "сегодня с Ялтой покончено, история возвращается на континент", значит, возвращается и третий путь. В сегодняшней России у третьего пути и впрямь много сторонников. Бессмертная Агафья Тихоновна возникает на каждом перекрестке, снова и снова предлагает приставить губы Никанора Ивановича к носу Ивана Кузьмича, воплотить в жизнь:

А. Панарин ("Проект для России: фундаментальный либерализм или либеральный фундаментализм?" Знамя, 1993, 9) "специфическую цивилизационную модель, учитывающую достижения Запада, но основывающуюся на собственной исторической и культурной традиции".

А. Дугин: "В настоящее время только две идеологические позиции являются интеллектуально и геополитически активными - это "атлантистские" правые и "евразийские" консервативные революционеры. Левая идеология не имеет сейчас ни геополитической, ни интеллектуальной формы". [56]

И. Шафаревич: "Западный опыт, конечно, должен быть использован, но с большой осторожностью... Надо мобилизовать опыт всех более органичных форм жизни... Для нас... самой близкой и понятной является та крестьянская цивилизация, среди которой еще так недавно протекала жизнь наших предков... Она может стать для нас наиболее ценной моделью органически выросшего жизненного уклада, у которого можно многому научиться...".

Для того, чтобы хотя бы обсуждать подобные "проекты для России", надо согласиться с тем, что до сих пор Россия шла не по третьему, а по первому или второму пути. С тем, что она шла по "первому", т.е. чисто средневековому, "азиатскому" и т. п. пути, не согласится никто даже из числа самых суровых ее критиков, тем более стоящих на почвеннических позициях. Но неужели найдется кто-нибудь, кто станет утверждать, что она шла по либеральному западному пути: индивидуализма, рынка, демократии, интернационализма и пр.? Именно Россия и продемонстрировала, м. б. даже в большей степени, чем Германия, иллюзорность третьего пути, на который его теперь снова зовут неутомимые доброжелатели.

Между тем гибридность советской системы - и именно в смысле консервативных революционеров - была замечена очень давно и сейчас вряд ли может вызывать сомнения.

О. Шпенглер ("Деньги и машина"). В России "покоятся друг на друге два хозяйственных мира, верхний, чужой, результат цивилизации, проникшей с Запада и ферментом которому служит вполне западноевропейский большевизм первых его лет, и внегородской, живущий только в низах...".

"Большевизм первых его лет" действительно находился под сильным влиянием классического, "западного" марксизма. Выбирая свой "третий путь", большевики несомненно находились в плену хилиастической *веры* марксизма, но постоянно вынуждены были вносить в нее свои поправки, учитывать исторические особенности места и времени. Когда российское, а затем советское общество, не выйдя из лаптей, попыталось немедленно превратить в явь четвертый сон Веры Павловны, оно столкнулось с суровыми экономическими и социальными реальностями, и ему пришлось отойти очень далеко от "систематической формы" марксистских пророчеств и в конце концов прийти к *своей форме тоталитаризма*.

Маркс и Энгельс ("Немецкая идеология"): по поводу судьбы всякого рода коммунистических систем будущего, которые появлялись "в начале коммунистического движения и служили тогда делу пропаганды в форме народных романов, вполне соответствовавших неразвитому еще сознанию... пролетариев... Что подлинное содержание этих систем вовсе не заключается в их систематической форме, видно лучше всего на примере правоверных фурьеристов..., которые при всем своем правоверии являются прямыми антиподами Фурье... Истинное содержание всех составивших эпоху систем образуют потребности времени, в которое они возникли. В основе каждой из них лежит все предшествующее развитие нации...".

В конце концов и в России все произошло в полном соответствии с этими словами, что и было многократно отмечено с разных сторон.

Н. Бердяев ("Истоки и смысл русского коммунизма"): "Большевизм гораздо более традиционен, чем это принято думать, он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла руссификация и ориентализация марксизма".

"Евразийство. Опыт систематического изложения": Большевики "были не руководителями ее [революции], а ее орудиями... Они ведут борьбу с "капитализмом". Но "капитализм", поскольку он мыслится конкретно, и есть синоним современной Европы. Борьба с ним есть борьба с "европеизмом" в Европе и в Евразии... Большевики выступают против "капитализма", т.е. против европейского капитализма, а потому и против европейского социализма... Сами не зная того, большевики бьются над конкретизацией религиозно-этических основ русской государственности".

П. Струве (1930): "По своей экономической сути большевистская революция есть самая глубокая реакция. Насильно перевернув исторические пласты, она накрыла слоем XVII столетия слои XX, XIX и даже XVIII веков... Никакие тракторы, никакая американизация, никакой атеизм не могут скрыть того факта, что "Внешторг" - негодная и мерзкая коммунистическая подделка под торговую монополию московских царей; что принудительные заготовки зерна и "колхозы" напоминают ухудшенное издание реквизиций XVII века...; что иностранные концессии, которые еще существуют в СССР, в точности напоминают московские концессии той же эпохи. Одним словом, Московская Русь воскресает под коммунистическими знаменами - с искаженным и измазанным лицом, без следа человеческой души и божьего духа".

Муссолини (1939): "Большевизм в России исчез, и на его место встал славянский тип фашизма".

Самое интересное, что и сам Дугин, страдающий от отсутствия третьей позиции в постялтинском мире, тут же признает, что она не совсем отсутствовала.

А. Дугин: "Вместе с Тириаром европейские консервативные революционеры вернулись к изначальной антизападной ориентации... На практике это означает, что именно "американизм" является сегодня полной антитезой Консервативной Революции, а коммунизм, потерявший свой изначальный нигилистический и агрессивный характер и впитавший в себя много национальных и почвенных черт, является гораздо меньшим злом, если вообще не потенциальным союзником".[с. 55]

А. Дугин: "Еще в начале 80-х Ален де Бенуа [лидер "новых правых", движение которых Дугин считает важнейшим этапом возрождения идеологии Третьего Пути] заявил, что он "предпочитает американскому зеленому берету фуражку советского офицера", а лидер итальянских "новых правых" Марко Тарки даже объявил о конце Третьей Позиции, так как его противостояние коммунизму, по его мнению, больше не имеет смысла, и единственным общим врагом и для левых, и для консервативных революционеров остается США, Запад, "атлантизм".[с. 55]

Дороги русских и немцев долго шли параллельно, а сейчас, кажется, разошлись. Немцы продались "атлантистам", а мы все еще держимся за свое "евразийство". Мы столько раз следовали за немцами - так не взять ли у них еще один урок - может быть, последний?